

Детство, верни нам, верни
Все разноцветные бусы, –
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни [3].

Так, Таруса для Цветаевой трансформируется из города детства в целостный, почти мифологический образ безмятежного счастья, квинтэссенцию ее личного, сокровенного понимания Родины.

Даже в годы вынужденной разлуки, в эмиграции, спустя многие годы, Цветаева сохранила глубокую духовную связь с Тарусой. В одном из писем она признавалась: «Здесь, во Франции, и тени моей не останется. Таруса, Коктебель, да чешские деревни – вот места души моей» [4]. Эта тоска по утраченной России воплотилась в пронзительном желании, высказанном в очерке «Хлыстовки»: «Я хотела бы лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины...» [5]. Эта фраза свидетельствует о том, что Таруса была для неё не только местом жизни, но и местом вечного упокоения, последним пристанищем души.

Несмотря на то, что дача «Песочное», где жила семья, не сохранилась, память о Цветаевых бережно хранится в городе. 4 октября 1992 года, к 100-летию со дня рождения поэта, был открыт Музей семьи Цветаевых. Он расположился в так называемом «Доме Тьо» – названным по домашнему имени второй жены ее деда по материнской линии, где семья также проводила время.

Память о поэте живёт не только в музейных стенах. На высоком берегу Оки, в том месте, где она мечтала быть похороненной, установлен кенотаф – камень с надписью «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Этот памятный знак, впервые установленный ещё в 1962 году почитателем её таланта, стал местом паломничества для всех, кто любит её поэзию. В 2006 году в городе был открыт и памятник Марине Цветаевой, ставший одним из символов современной Тарусы

Заключение. Таруса сыграла исключительную роль в жизни и творчестве Марине Цветаевой. Это было не просто место летнего отдыха, а духовная родина, «колыбель творчества», источник самых светлых и глубоких переживаний. Образ «маленькой, мирной Тарусы» стал для неё воплощением идеального мира детства, гармонии с природой и Россией [6]. Пронеся эту любовь через всю свою трагическую жизнь, Цветаева навсегда вписала имя этого города в историю русской литературы, сделав его неотделимым от своей поэтической вселенной. Таруса и сегодня продолжает оставаться живым центром цветаевской памяти, притягивая исследователей и ценителей её гения.

1. Цветаева, М. Вечерний альбом. Стихи / М. Цветаева. – СПб.: СЗКЭО, 2025. – 256 с.
2. Цветаева, А. Воспоминания / А. Цветаева. – М.: Советский писатель, 1984. – 768 с.
3. Цветаева, М.И. Стихотворения и поэмы / М.И. Цветаева. – Вступ. ст., подг. текста и примеч. Е.Б. Коркиной. – Л.: Советский писатель, 1990. – 800 с.
4. Цветаева, М. Неизданное. Сводные тетради / М. Цветаева. – Подг. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной. – М.: Эллис Лак. – 1997. – 640 с.
5. Цветаева, М. Башня в плюще: Избранная проза / М. Цветаева. – М.; СПб.: «Руграм», «Пальмира», 2025. – 284 с.

ГЕРОИ-ЛЕВШИ НА СТРАНИЦАХ ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГ

Федосенко Е.С.,

учащаяся 11 «Г» класса Лицея ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – учитель русской литературы Гладкова А.А.,
канд. филол. наук, доцент

Ключевые слова. Поэзия, леворукость, художественный образ, лирическое стихотворение, стиль.

Keywords. Poetry, left-handedness, artistic image, lyrical poem, style.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной науки к проблемам социальной адаптации людей, которые отличаются определёнными способностями от большинства. К таким людям относятся левши, ведущее полушарие

у которых – правое, а левая рука используется как ведущая для разных видов деятельности. При этом важно помнить, что рука, используемая для письма, не является однозначным показателем лево- или праворукости. Проблеме леворукости посвящены работы физиологов и психологов, социологов и педагогов (Г.Н. Сердюковская, А.П. Чуприков, Е.А. Волков и другие). 13 августа отмечается Всемирный день левши.

Актуальность исследования обусловлена также отсутствием комплексных работ в области литературоведения, в которых объектом внимания стал герой-левша либо проблемы социальной адаптации таких людей. Цель исследования – на материале поэтических текстов русской литературы XX века и современности определить писательский подход к отражению героя-левши в поэтическом тексте.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили тексты стихотворений А. Барто, И. Кутеповой, К. Ковалёва, в которых показан герой-левша. В качестве основного метода был избран сопоставительный анализ. В работе использованы элементы исторического метода исследования.

Результаты и их обсуждение. Художественная литература, по мнению А.А. Гладковой, – уникальная возможность для читателя увидеть сквозь призму художественных образов осмысление важных социальных проблем [1, с. 5]. Одной из проблем социальной адаптации на протяжении разных исторических эпох была леворукость некоторого процента людей (по современным подсчётам – от 10 до 15 %).

Борьба с леворукостью была обязательным воспитательным приёмом советской дидактики. Тенденции этого подхода к переучиванию детей дошкольного и школьного возраста нашли отражение в стихотворении «*Кошка-невидимка*» (1937) детской писательницы Агнии Барто.

Стихотворение начинается с эпизода детской игры в снежки. И если ребятам удаётся метко попадать в цель, то Петины броски неудачны: «*А Петя, увалень такой, / Нагнулся не спеша, / Швырнул снежок не той рукой. / Смеются все: левша. // У Пети левая рука / Желает быть главней, / Он с ней не справится никак, / Никак не сладит с ней*» [2].

Показательно, что писательница указывает на строгое общественное порицание леворукости, насмешки других детей, что отражает напряжённую психологическую ситуацию для маленького героя-левши: «*И вот – насмешки да смешки, / Хоть не ходи играть в снежки*» [2].

Следующий фрагмент стихотворения служит отступлением от основной линии повествования, автор задаёт вопрос, есть ли такая страна или город, где можно есть левой рукой, «*Где за обедом не твердят: / Смирнов, какой рукой едят?*» [2]. На наш взгляд, глагол «твердят» выдаёт отношение автора к проблеме леворукости, очевидно, А. Барто такое настойчивое внимание к леворуким детям кажется чрезмерным.

Сегодня насмешки других детей над леворуким ребёнком осуждаются и трактуются как психологическая агрессия, но в 1930-е годы такое поведение было в порядке вещей: «*Летят снежки, летят снежки... / – Левша! – хохочут пареньки*» [2].

Талант А. Барто подсказал, как найти выход из данной ситуации и сделать это деликатно и по-товарищески. Петю выручает его друг, который придумал хитрость: мяукать кошкой, как только замечает, что Петя пользуется левой рукой при письме или в быту: «*Как услышал Петя наш – / Кто-то замяукал, / Петя сразу карандаш / Раз – в другую руку. // Стоит кошке замяукать, / Как, услышав кошку, / Паренёк в другую руку / Переносит ложку*» [2].

Внутреннее психологическое напряжение мальчика-левши обозначено в строках: «*Ох, упрёки да попрёки / Надоели Петяке, / Надоели Петяке / Хуже горькой редьки*» [2].

В трудной ситуации Пете помогает кошка своим мяуканьем, только мяукает на самом деле товарищ: «*Где же эта кошка? / Нет, у этой кошки / Не четыре ножки. / Вовка – добрая душа – / Вот кто эта кошка*» [2].

А. Барто решает проблему преодоления леворукости у ребёнка, обыгрывая ситуацию в максимально щадящей для левши манере. Писательница отличалась чутким характером, её стихи знали малыши всех республик Советского Союза, что говорит не только

о том, что Агния Львовна была поэтом-профессионалом, но и настоящим знатоком десткой психологии.

«*Стихи для детей левшей*» написала современный поэт Ирина Кутепова, на наш взгляд, с целью поддержать леворуких детей, показать, что они, при упорстве и труде, смогут достичь любых вершин. В первой строке автор указывает на неразработанность темы социализации левшей в поэзии: «*Жаль, не пишут о нас стихи. / Ну, да ладно, напишем сами. / Ведь не зря из простой блохи, / Сотворили шедевр руками. // Хоть и спорим порой с судьбой, / Чтобы знать обо всём основательно, / Как и что, в этой жизни земной, / Разберёмся мы обязательно! // Сила духа, упорный труд – / Вот попутчики нам в удаче! / Коль не нас, а других предпочтут, / Не печалимся и не плачим!*» [3].

В завершении поэтического текста наблюдается переход от индивидуального акцента на проблеме леворукости на общенациональную, патриотическую тему единения всех граждан одного государства. И. Кутепова утверждает силой поэтического слова, что леворукость или праворукость малозначимы в контексте общности русского народа: «*Свой сумеем построить дом / И вокруг райский сад посадим. / Встретим всех, кто придёт с добром, / А врагов мы с земли спровадим. // Мы с тобою живём в России, / Не к лицу нам сидеть и ждать! / Знают все, что левши – это сила, / И не только блоху подковать!*» [3].

Константин Ковалёв написал стихотворение «*Горжусь порой, что я левша...*» в 2012 году. Всё поэтическое произведение автора пронизано гордостью за собственную леворукость: «*Горжусь порой, что я левша – / Рукою левой с небом связан, / Левей обычного – душа, / И влево, к сердцу, сдвинут разум. // Левша несовершенен, плох», – / Твердили нам жрецы науки, / Нет, верю я, что даже Бог, / Создатель мира, леворукий*» [4].

Далее автор высказывает оригинальную трактовку божественного творения мироздания леворуким божеством: «*Он только левою рукой / Мог солнце запустить с востока / И, явно сотворив левшой, / Он научил писать пророка*» [4]. Поэт уверен, что «в глубине времён» люди писали справа налево именно потому, что так удобно писать левшам: «*Налево справа Моисей / Недаром исписал скрижали, / И в глубине древнейших дней / Народы только так писали*» [4].

Поэт упоминает в стихотворении исторические личности, которые были левшами: «*Был Македонский леворук / И схож был с Орлеанской Девой / Тем, что сметая вражий круг, / Он меч сжимал надёжной левой. // И Юлий Цезарь был левшой, / И Даль, и Винчи Леонардо, / И Моцарт, гений неземной, / Сюда же добавим Бонапарта, // И Микеланджело, к тому же / Эйнштейна вспомним и Пикассо, / Полным-полна великих душ / Левшой таинственная раса*» [4].

Любопытен авторский акцент на избранности левшей. Если И. Кутепова в своём стихотворении слаживает инаковость левшей, то К. Ковалёв, наоборот, подчёркивает её, говорит об уникальности, непохожести, исключительности носителей леворукости, определяя таких людей как «особую древнюю расу».

Следующая микротема стихотворения К. Ковалёва – личный опыт: «*Мне в школе левою рукой / Не дали написать трёх строчек: / Позор, – считалось, – быть левшой! / И что же? Был мой испорчен почерк!*» [4].

Тайны поэтического ремесла раскрываются автором в следующем кратене. Оказывается, Муза шепчет слова поэту, находясь слева: «*Но лишь начну писать едва / Стихи, то явно слышу слева, / Как Муза шепчет мне слова, / Моя божественная дева*» [4].

Заключение. Проведённое исследование демонстрирует, что в поэтических художественных текстах русской литературы XX века и современности в единичных текстах присутствует герой-левша либо затронута проблема леворукости. Стихотворение А. Барто «Кошка-невидимка» отражает борьбу с леворукостью в 1930-е гг. При этом писательница с тонким знанием детской психологии находит выход для литературного героя-левши с помощью игрового момента преодолеть леворукость при письме и в быту. Стихотворение современного поэта И. Кутеповой «Стихи для детей левшей» наполнено пафосом созидающей силы, автор уверена, что левшам всё по плечу и они – часть единого русского народа. К. Ковалёв в стихотворении «Горжусь порой, что я левша...» подчёркивает

ет уникальность леворукости, обращает внимание на исторический контекст, размышляет о природе творчества.

1. Гладкова, Г. А. Айчынная і сусветная літаратура : вучб.-метод. комплекс для студэнтаў неспец. фак. дзённай і заочнай форм навучання / Г. А. Гладкова ; М-ва адукацыі РБ, УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», Каф. беларус. літ. – Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2008. – 88 с. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/2669> (дата обращения: 21.09.2025).
2. Барто, А. Кошка-невидимка / А. Барто. – URL: <https://www.culture.ru/poems/187/koshka-nevidimka> (дата обращения: 21.09.2025).
3. Кутепова, И. Стихи для детей левшей / И. Кутепова. – URL: <https://stihii.ru/2011/04/04/8428> (дата обращения: 21.09.2025).
4. Ковалёв, К. Горжусь порой, что я левша / К. Ковалёв. – URL: <https://stihii.ru/2012/05/22/6382> (дата обращения: 21.09.2025).

СТРАХ КАК ЭМОЦИЯ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТРАЖЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ОТРЫВКА ИЗ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)

*Фекисстова С.Д., Ксендзова В.В.,
учащиеся 2 курса Полоцкого колледжа ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Полоцк, Республика Беларусь
Научный руководитель – Кабылкова А.А., канд. филол. наук.*

Ключевые слова. Страх, эмоция, лексика, художественный образ, сюжет.

Keywords. Fear, emotion, vocabulary, artistic image, plot.

Страх, как универсальный и многогранный человеческий опыт, вызывает интерес исследователей в различных областях знаний. Этот феномен, его природа и механизмы возникновения продолжают быть в центре внимания ученых. Страх – это эмоциональное состояние, возникающее при восприятии угрожающих факторов, и оно побуждает человека к осмыслению и анализу своих переживаний. Страх может стать как поводом для избегания пугающих ситуаций, так и стимулом к их преодолению в случае необходимости.

Тематика страха пронизывает многие аспекты жизни человека, включая литературу, изобразительное искусство, музыку, архитектуру и индустрию развлечений. Страх, будучи важным компонентом человеческого существования, отражает глубинные переживания и внутренние конфликты, что делает его особенно актуальным для изучения.

Цель исследования – изучить особенности отражения страха в классических произведениях русской литературы, где страх становится неотъемлемой частью характеров и сюжетов. Задачи исследования включают изучение понятия страха и его лексических выражений в русском языке, анализ применения лексики страха в литературных произведениях, а также определение влияния страха на эмоциональные состояния персонажей и восприятие читателя.

Материал и методы. На примере отрывка из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» рассматриваются особенности описания страха как ведущей эмоции. Методы исследования: анализ, синтез.

Результаты и их обсуждение. Страх – состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязни, ужас [2, с. 550].

Некоторые исследователи полагают, что осмысление страха осуществляется на языковом уровне через процесс лексикализации, в ходе которого слово интегрируется в лексикон языка. На начальном этапе эмоция переносится с материального объекта на концептуальное представление о нём, что в дальнейшем приводит к ассоциации этого представления со словом. Слово «страх» имеет общеславянское происхождение и находит соответствия в германских и балтских языках. Например, это слово с первоначальным знач. «оцепенение» сближается с литовским *stregti*, *stregiu* «оцепенеть, превратиться в лед», латышским *stregele* «сосулька» [3, с. 772].